

РОССИЯ В МИРЕ И МИР В РОССИИ

Жизнеспособность российского и других постсоциалистических обществ: итоги 20-летия реформ¹

Г.А. ЯСТРЕБОВ, А.Н. КРАСИЛОВА

Предложенный вниманию читателя материал продолжает серию публикаций, целью которой является знакомство с результатами проекта «Сравнительный анализ развития человеческого потенциала в постсоциалистических странах Европы», осуществляемого Лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ. В работе, в частности, предложена оригинальная трактовка жизнеспособности общества как степени реализации потребностей населения в безопасности, образовании, здоровье, самореализации, демографическом и социальном воспроизводстве. При этом, учитывая ограниченность существующих оценок на базе таких общепринятых интегральных показателей, как Индекс человеческого развития ООН, авторы разрабатывают собственное операциональное определение жизнеспособности на основе классического определения «здоровья», предложенного Всемирной организацией здравоохранения в 1948 г. Проводится критический анализ рейтинга 32 стран Европы и СНГ, включая Россию, а также сформулированы основные положения возможной теоретико-методологической рамки для анализа успешности постсоциалистических трансформаций в русле цивилизационного подхода.

Ключевые слова: жизнеспособность, человеческое развитие, постсоциалистические страны, российское общество, реформы, цивилизационный подход

Вот уже ровно как 20 лет назад наша страна вместе с другими республиками, некогда входившими в состав СССР, подверглась масштабной общественной трансформации, в результате которой прежняя система экономических и политических институтов была заменена своеобразным подобием либерально-демократического порядка на манер более развитых западных стран. Однако эйфория сторонников западного пути развития, которая фиксировалась в канун реформ начала 1990-х по всем социологическим опросам, довольно быстро сменилась разочарованием в связи со спадом на производстве, гиперинфляцией и прочими объективными последствиями, не замедлившими сказаться на уровне жизни простых граждан.

Впрочем, уже к началу 2000-х, несмотря на неожиданно разразившийся кризис 1998 г., по крайней мере в России экономическая ситуация стабилизировалась, а все последующие годы (вплоть до мирового финансового кризиса 2007–2008 гг.) сопровождалась ростом реальных денежных доходов населения [Уровень и образ жизни населения... 2011]. Однако даже эти, на первый взгляд, весьма позитивные тенденции гасятся одним неприятным обстоятельством – ростом социального

¹ Статья подготовлена по материалам проекта «Сравнительный анализ развития человеческого потенциала в России и других постсоциалистических странах Европы: цивилизационный контекст», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (проект № 17.1), а также при поддержке гранта РФФИ (грант №11-06-00437).

неравенства, которое даже по официальным оценкам является сегодня одним из самых высоких в мире. Более того, это же обстоятельство является причиной, по которой объективный уровень материального достатка у почти половины российского населения сегодня по-прежнему не превышает уровень 1991 г. [Уровень и образ жизни населения... 2011, с. 69]. И тем не менее все это – лишь одна сторона медали, которая даже при формальном сравнении с экономическими достижениями других стран, зачастую дает неадекватное представление о векторе социально-экономического развития с точки зрения его устойчивости и приемлемости в долгосрочной перспективе.

На интуитивном уровне сегодня почти ни у кого не вызывает сомнения то, что, несмотря на схожие программы реформ и стратегии транзита, развитие России и ряда стран СНГ пошло и продолжает идти в совершенно ином направлении, чем в странах Центрально-Восточной Европы. Причем эти различия касаются не только и не столько уровня или качества экономического роста, сколько сложившихся в этих странах условий, необходимых для развития личности и творческих сил представителей всех без исключения социальных групп населения и определяющих в конечном счете жизнеспособность всего общества как социального организма.

Так, если с точки зрения экономоцентристских подходов проведение радикальных рыночных преобразований практически во всех постсоциалистических странах способствовало достижению главной цели – повышению экономической эффективности благодаря развитию конкуренции и частной собственности, то с точки зрения обеспечения сбалансированного развития последствия этих преобразований в СНГ сегодня не выдерживают никакой критики. Более того, спровоцированного реформами импульса в этих странах оказалось явно недостаточно для того, чтобы обеспечить устойчивую траекторию развития по рыночно-демократическому сценарию, как это имеет место, скажем, в странах Вышеградской группы (Чехии, Венгрии, Польше, Словакии) или странах Балтии. Все это наталкивает на мысль, что одним из важнейших факторов жизнеспособности обществ является качество их исходного социального материала – населения с его специфическими установками, представлениями и моделями поведения – которому могут отвечать (например, в случае со странами ЦВЕ), а могут и противоречить (Россия и некоторые страны СНГ) принципы, на которых в этих обществах функционируют системы здравоохранения, образования, обеспечения внутренней безопасности и т.д. Противоречие это, в свою очередь, может служить причиной низкой и даже обратной эффективности принимаемых государством социальных мер с точки зрения развития человеческого потенциала.

В связи с этим возникает целый ряд вопросов. Как оценивать между собой успешность развития постсоциалистических обществ, если принять во внимание все более очевидную неоднозначность такого критерия развития как экономический рост? Как учесть в международных сравнениях особенности развития отдельных стран и межнациональных образований? Какие параметры с этой точки зрения можно рассматривать в качестве универсальных, и возможны ли в принципе подобные сопоставления? И, самое главное, как соотносятся различные критерии развития с внутренней логикой эволюции конкретных обществ?

Так, согласно нашим (впрочем, не только: см., в частности [Шкаратан 2010; Пастухов 2006; Пивоваров, Фурсов 2001 и др.]), исходным представлениям в отличие от культивирующей гуманистические ценности и традиции европейской цивилизации российской и другие общества евразийского типа сегодня не только не развивают собственных представлений о ценности человеческой личности, но и зачастую пренебрегают человеческой жизнью как таковой. В то же время мы признаем, что подобные утверждения заслуживают самого тщательного теоретического обоснования и эмпирической проверки.

В связи с этим в конце 2010 г. Лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ была утверждена исследовательская программа «Сравнительный анализ развития человеческого потенциала в постсоциалистических странах Европы: цивилизационный подход», направленная на всестороннее изучение динамики и различий в развитии человеческого потенциала населения постсоциалистических стран Европы, включая Россию, а также поиск факторов, способствующих устойчивому развитию перечисленных стран в контексте их цивилизационной принадлежности. Таким образом, в своем сравнительном анализе методологически мы исходим из признания множественности измерений развития современных обществ.

В рамках этого исследования одним из его этапов сотрудниками Лаборатории решалась, в частности, задача поиска и обоснования показателя или системы показателей, наиболее полно и адекватно отражающих уровень развития человеческого потенциала, включая критический анализ соответствующего им рейтинга стран Западной и Центрально-Восточной Европы, а также СНГ, включая Россию. С результатами этой работы авторы и хотели бы познакомить читателя данной статьи.

Человеческое развитие, человеческий потенциал, жизнеспособность

Еще в начале 1980-х в связи с упомянутым выше отходом от эконоцентричных теорий и предписаний, которые основывались на признании экономического роста в качестве главного драйвера прогрессивных социальных и политических изменений в развивающихся странах, в научный обиход прочно входят такие понятия как «человеческое развитие» и «человеческий потенциал». Разработка этих новых концепций осуществлялась, в основном, в русле обоснования и построения различных индексов или систем индикаторов, позволяющих количественно оценивать качество и структуру такого сложного и неоднозначного процесса как развитие современных обществ.

Так, за идейную основу получившего сегодня, пожалуй, наиболее широкое распространение *Индекса человеческого развития* (или ИЧР) были взяты концептуальные разработки известного экономиста-философа Амартии Сена, который предложил рассматривать развитие в широком смысле как расширение возможностей для самореализации людей, а именно – как «свободу выбора между различными образами жизни» и как «экспансию человеческих способностей» [Sen 1983, p. 44; Sen 1990, p. 755] (цит. по [Красильщиков 2010]). По признанию других авторов, «идеология этих индексов [Индексов человеческого развития – прим. авт.] родилась как противопоставление увлечению теориями, распространявшими экономическую концепцию капитала на характеристики отдельного индивида и на сети связей между социальными акторами (индивидами и организациями), как своеобразный протест против экономизации социальной жизни» [Бородкин, Кудрявцев 2003, с. 143]. Другими словами, признание универсальной ценности человеческого развития не только поставило под сомнение эксклюзивность экономического роста в качестве главного критерия общественного прогресса, но и сформировало основу теоретических взглядов альтернативных утилитарным воззрениям сторонников теории человеческого капитала.

Каноническая структура Индекса человеческого развития, строящаяся на основании таких общедоступных показателей как ожидаемая продолжительность жизни, степень охвата населения программами среднего и высшего образования и размер ВВП в расчете на душу населения, была разработана под руководством пакистанского экономиста Махбуба уль-Хака, ставшего инициатором известных ООНовских Докладов о человеческом развитии, издаваемых ежегодно, начиная

с 1990 г. [UNDP... 1990]. Однако при всей своей простоте и в то же время многоаспектности ИЧР не лишен недостатков, на что некоторые исследователи обращали внимание почти сразу же после введения его в оборот [Hopkins 1991, p. 1471–1472; Streeten 1995, p. xii–xiv и др.]. Так, например, сам по себе ИЧР отдельно взятой страны еще ничего не говорит о масштабах бедности, характере распределения доходов, неравенстве в сфере образования и здравоохранения. В дополнение к этому следует также отметить его неспособность в целом охарактеризовать состояние развития человеческого потенциала, а именно – способности создавать современные отрасли индустрии и научно-технические центры уровня, соответствующем лидерам мировой экономики². Однако недостатки ИЧР как синтетического показателя социально-экономического развития с лихвой окупаются тем, что он основан на практически повсеместно доступных и, главное, сопоставимых статистических показателях. Причем в исключительных случаях, когда необходимые для расчета ИЧР данные по каким-либо причинам оказываются не совсем точными или фрагментарными, они могут быть восстановлены с использованием альтернативных оценок или путем экстраполяции косвенных данных. Одной из наиболее удачных попыток модификации ИЧР для обеспечения сопоставимых сравнений между различными странами мира за весь период публикации Докладов о человеческом развитии с 1990 г. по 2007 г. была, в частности, осуществлена В.А. Красильщиковым в его работе «Человеческое развитие и изменения в мировой системе» [Красильщиков 2010].

Отдавая должное происхождению понятий «человеческий потенциал» и «человеческое развитие», а также ООНовской методологии его количественного расчета, нельзя не упомянуть концептуальные разработки известного российского экономиста и социолога Т.И. Заславской, которая в своих работах предлагает понимать под *человеческим потенциалом* «готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими обществами» [Заславская 2005, с. 10]. Очевидно, что такая трактовка является более широкой и емкой, чем категория «человеческого развития», используемая в Докладах ООН. Это находит свое отражение в ее нетривиальной структуре: смысловое ядро «человеческого потенциала» раскрывается Т.И. Заславской через четыре основных его аспекта – демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный. Так, *демографический потенциал* общества определяется половозрастной структурой населения, средней продолжительностью жизни мужчин и женщин, соотношением рождений и смертей, браков и разводов и пр. *Социально-экономический* – включает уровень квалификации и профессионализма экономически активных граждан, востребованность обществом их труда, уровень и структуру занятости, степень реализации их трудовых, деловых и интеллектуальных ресурсов. В *социокультурном* аспекте заключены социально значимые особенности менталитета граждан, связанные с процессами социализации в разных национальных, конфессиональных и социальных общностях и характером последующей деятельности. Наконец, *деятельностный потенциал* общества выражается в уровне деловых качеств социальных акторов, их энергии, предприимчивости, инициативы и проявляется в соотношении инновационных и традиционных форм мышления, действий и других форм активности, а также в объективных возможностях граждан реализовать свои социальные и творческие потенциалы, вести активную, полноценную жизнь [Заславская 2004, с. 28]. Однако нетрудно заметить, что при всей полноте охвата концептуальная сложность используемого

² Авторам остается непонятной терминологическая путаница, имеющая место в отечественной литературе. Так, нередко Индекс человеческого развития, под которым в действительности подразумевается определенное состояние развития, нередко именуется Индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП), что, очевидно, является неверным, если следовать буквальной интерпретации с англ. Human Development Index (HDI).

Т.И. Заславской определения не позволяет перевести его на язык «простых» индикаторов и, как следствие, делает его мало пригодным для осуществления количественных сопоставлений. Более того, нам неизвестны попытки осуществления полномасштабных межстрановых сравнений в соответствии с такой операционализацией понятия «человеческий потенциал».

В последнее время в разных странах, в том числе и в России, наряду с упомянутым выше ИЧР также разрабатывались другие, близкие по содержанию индикаторы, более полно характеризующие как уровень развития отдельных стран в целом, так и человеческий, прежде всего, интеллектуальный потенциал их населения. К числу таких показателей, можно, в частности, отнести *синтетический индекс развития* или *индекс социо-гуманитарного развития*, предложенный российскими учеными В.В. Бушуевым и В.С. Голубевым. *Синтетический индекс развития* относится к числу индикаторов социоприродного развития, которые учитывают и состояние природной среды, и качество воплощенного в населении человеческого капитала [Бушуев, Голубев 2002, с. 163; Бушуев, Голубев, Тарко 2004, с. 6–13]. Схожие идеи лежат в основе *индекса социо-гуманитарного развития* (ИСГР), учитывающего помимо воспроизводства окружающей среды, воспроизводство «капитала социальной организации», динамику накопления человеческого капитала, включая такое свойство «жизненный потенциал нации», которое количественно оценивается его разработчиками как произведение удельной рождаемости (в расчете на одного жителя) на среднюю ожидаемую продолжительность жизни [Бушуев, Голубев, Зволинский, Тарко 2008]. Другой интересный и в то же время существенно более простой подход к количественной оценке качества развития был предложен Р. Вееenhoфом в 1996 г. и назывался «*шкалой счастья*» (Happy Life-Expectancy Scale³), которая представляет собой произведение ожидаемой продолжительности жизни (выраженное в годах) и усредненного по выборочному опросу индекса счастья [Veenhoven 1996].

Впрочем, приступая к реализации нашего проекта, в собственных размышлениях по поводу того, как оценивать развитие современных обществ, мы сами неизбежно столкнулись с необходимостью определить для себя не только содержание, но и соотношение таких понятий как «человеческое развитие» и «человеческий потенциал». Однако, как следует из упомянутых выше существующих подходов, для современной науки оба термина скорее означают программно заданные объекты анализа и практических усилий, чем объекты научного изучения и научно обоснованных оценок. Эта методологическая ситуация объясняется тем, что сегодня научное сообщество еще не располагает такими понятиями «человеческого потенциала» и «человеческое развитие», которые можно было бы считать определенными и если не общезначимыми, то хотя бы согласованными в среде участников работ по данному направлению.

Прежде всего, необходимо четко пояснить, что понятие *человеческое развитие* в нашем представлении не идентично понятию *человеческий потенциал*. Если последнее в строгом смысле характеризует принципиальную возможность достижения определенного состояния человеческого развития, то первое должно рассматриваться исключительно как процесс, направленный на реализацию этого потенциала, или, другими словами, движение от существующего состояния человеческого развития к потенциальному, т.е. возможному. Почему данная оговорка является существенной? Дело в том, что в такой постановке *развитие человеческого потенциала* представляется уже не столько как процесс его направленной реализации (как ошибочно интерпретируют его авторы некоторых Докладов о человеческом развитии), сколько как объективный (т.е. независящий от мер государственной политики) процесс формирования границ развития творческой,

³ Что буквально можно было бы перевести как «шкала ожидаемой продолжительности счастливой жизни».

физической и познавательной активности людей. Это замечание представляется нам особенно важным в свете того, что в обозримом будущем мы планируем рассматривать в своем анализе общества не просто как конкретные конфигурации политического, социального и экономического устройства, а как сложные социальные системы, формирующиеся под влиянием специфических цивилизационных процессов. В свою очередь, мы исходим из того, что эти цивилизационные процессы на протяжении длительных исторических периодов в значительной степени формируют в населении определенный тип личности, приспособленность к определенным видам и циклам трудовой активности и таким образом фактически могут рассматриваться в качестве тех объективных факторов, которые определяют в конечном счете *развитие* (но не реализацию!) *человеческого потенциала*.

Однако сами по себе целевые ориентиры, имманентные любому процессу *человеческого развития*, являются, на наш взгляд, универсальными и не зависящими от факторов конкретных локальных контекстов, обусловленных цивилизационной принадлежностью. В данном случае мы, следуя идеям А. Сена, исходим из признания того, что любые прогрессивные (или ориентированные на прогресс) общественные преобразования, будь это смена политической, социальной или экономической организации обществ, должны быть направлены в конечном счете на развитие людей, их личности, творческих сил и индивидуальных способностей. Другими словами, мы рассматриваем *уровень человеческого развития* как некий универсальный барометр, с помощью которого представляется возможным оценивать желательность или, наоборот, неприемлемость конкретного вектора политических, социальных и экономических процессов, вписанных в более общий цивилизационный контекст развития общества.

Человеческое развитие интересует нас в широком смысле как процесс, лежащий в основе развития *жизнеспособности* современных обществ, под которой мы понимаем их способность, во-первых, к численному воспроизводству, а, во-вторых, как способность успешно противостоять развитию потенциально опасных для их устойчивого развития дисфункций или, другими словами, патологий: *социальных* (выражающихся, например, в наличии чрезмерных дистанций между социальными группами, социальной дезинтеграции, криминализации повседневной жизни и т.п.), *физических* (низкая продолжительность жизни, деградация физического и психического здоровья населения и т.п.) и *моральных* (интеллектуальная и нравственная деградация населения). Причем если рассматривать последний, качественный аспект жизнеспособности как категорию родственную понятию здоровья, данная трактовка полностью согласуется с определением, принятым Всемирной организацией здравоохранения в 1948 г., согласно которому «здоровье – есть состояние полного физического, душевного и социального благополучия».

Для отдельного индивида это состояние достигается благодаря удовлетворению различных потребностей, представляющих собой определенную иерархию (напр., «пирамида потребностей» Маслоу). Отсюда под индивидуальным уровнем человеческого развития следовало бы понимать степень реализации потребностей отдельно взятого человека в безопасности, образовании, здоровье, самореализации, демографическом и социальном воспроизводстве. Однако, учитывая, что в нашем случае речь идет о населении (обществе) в целом, мы предложили бы считать, что *уровень человеческого развития в обществе тем более высок, чем большее число людей в данной стране/обществе имеет возможность реализовать потребности более высокого порядка*. Используемое нами в работе определение жизнеспособности изображено на *схеме 1*.

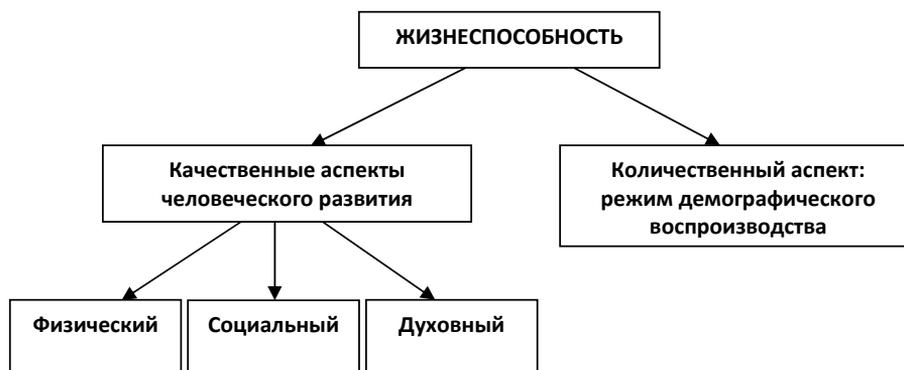

Схема 1. Количественный и качественный аспекты жизнеспособности обществ

Как уже было сказано выше, жизнеспособность общества определяется двумя аспектами: *количественным*, под которым подразумевается режим демографического воспроизводства, и *качественным*, под которым подразумевается уровень человеческого развития. В свою очередь, этот уровень раскрывается через три аспекта: физический, социальный и духовный.

Почему в оценке жизнеспособности необходимо учитывать количественный аспект – режим демографического воспроизводства? Как известно, сегодня во многих развитых обществах поддерживается простое воспроизводство населения, что является следствием так называемого демографического перехода, пришедшего на смену демографическому взрыву, т.е. периоду, в котором инерционно высокая рождаемость сочеталась с резким сокращением смертности, прежде всего, благодаря развитию систем здравоохранения и улучшению качества медицинских услуг. Этот переход был отражением своего рода естественных адаптационных процессов, позволивших привести резко возросшие потребности населения в высоком качестве жизни в соответствие с ограниченными производительными возможностями современных обществ. Эти адаптационные процессы в числе прочих включали в себя такие явления как переход от традиционной (сельской) к современной городской (нуклеарной) модели семьи, ослабление прочности брачных связей, пересмотр системы семейных ценностей и, в частности, снижением роли религиозных институтов в формировании института семьи [Вишневецкий 2006, с. 10–11, 137–138].

С другой стороны, в менее развитых обществах (например, стран Азии и Африки), режим воспроизводства по-прежнему тяготеет к расширенному, что, как правило, объясняется их экономической отсталостью, традиционностью и крайней религиозностью. Некоторые из этих стран вступили в фазу демографического перехода только в середине прошлого века, и что по мере своей культурной, экономической и социальной модернизации они рано или поздно перейдут к режиму воспроизводства, характерному для нынешних развитых стран. Однако, несмотря на то, что конкретное соотношение смертности и рождаемости действительно во многом сопряжено с определенным уровнем социально-экономического развития общества, с точки зрения его жизнеспособности оно также является важным индикатором, отражающим наличие или отсутствие устойчивой тенденции к численному воспроизводству общности. Отсюда жизнеспособность рассматривается нами не как статическая (как, например, сугубо качество человеческого развития), а как динамическая характеристика, позволяющая зафиксировать некоторые устойчивые тенденции в развитии общества.

Согласно этой упрощенной модели мы предлагаем понимать под *повышением жизнеспособности* наличие очевидных положительных тенденций как в качественном, так и в количественном отношении, т.е. общее повышение уровня человеческого развития в сочетании с расширенным демографическим воспроизводством. И, наоборот, под *снижением жизнеспособности* – качественную деградацию, сопровождающуюся численным сокращением населения. Однако такие крайние ситуации в реальной практике встречаются достаточно редко – взять хотя бы те же развитые страны, в которых растущее качество жизни сочетается с крайне низкими (иногда отрицательными) темпами демографического роста (согласно известному принципу превращения «количества» в «качество»). Учитывая, что определение оптимального режима воспроизводства для каждого общества является задачей, выходящей далеко за рамки наших текущих исследовательских возможностей, мы решили рассматривать в качестве универсального императива развития (обеспечения жизнеспособности), по крайней мере, отсутствие тенденции к депопуляции, т.е., другими словами, способность общности к элементарному самовоспроизводству⁴.

Для того чтобы отобразить конкретные показатели, более или менее исчерпывающие отражающие структуру и уровень человеческого развития, мы сочли уместным обратиться к известной иерархии человеческих потребностей, разработанной А. Маслоу [Маслоу 1999, с. 77–105]. Причем сама иерархия отнюдь не признается нами в качестве универсальной, что следует из обозначенного во введении общетеоретического контекста исследования: здесь «пирамида потребностей» используется постольку, поскольку позволяет определенным образом классифицировать индивидуальные потребности. К тому же напомним, что жизнеспособность интересует нас, в конечном счете, не как сумма индивидуальных характеристик, а как системное социальное качество – экзистенциальное свойство общества. В связи с этим мы предлагаем рассматривать интегральную характеристику человеческого развития не как иерархию отдельных показателей, а как определенный баланс (или структуру этого баланса) с точки зрения трех основных его аспектов: физического, социального и духовного.

В *таблице 1* приведены основные используемые нами в работе эмпирические показатели с указанием их принадлежности к определенной группе потребностей (в иерархии потребностей Маслоу) и аспекту человеческого развития (физическому, социальному и духовному). В скобках, справа от каждого показателя приводится его целевая функция, отражающая его вклад (положительный или отрицательный) в общий показатель человеческого развития: *min* – минимизация, *max* – максимизация.

Учитывая тот ограниченный объем, который предоставляет нам формат статьи, мы позволили себе не останавливаться подробно на перечислении и обосновании используемых при анализе конкретных показателей. Далее будут представлены наиболее интересные, с нашей точки зрения, результаты и ракурсы исследования, однако у заинтересованного читателя имеется полноценная возможность детально ознакомиться с методологией исследования, которая опубликована в виде двух препринтов в сети Интернет⁵.

⁴ В частности, здесь мы исходим из классического для демографов определения населения как совокупности людей, обладающих способностью к самовоспроизводству. Депопуляция же как систематическое нарушение этого воспроизводства практически всегда рассматривалась не только специалистами по проблемам населения, но и политическими и общественными деятелями как национальное бедствие [Синельников 2010].

⁵ См. Ястребов Г.А., Красилова А.Н., Черепанова Е.С. Векторы человеческого развития в постсоциалистических странах Европы и СНГ: опыт количественной оценки. WP17/2011/01 и WP17/2011/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011 [<http://www.hse.ru/org/hse/wp/wp17>].

Таблица 1. Система эмпирических показателей,
соответствующая различным аспектам человеческого развития

Группа потребностей (по Маслоу)	Показатель (в скобках – целевая функция)	Аспект человеческого развития
физиологические	• Физическая и психическая заболеваемость (<i>min</i>) • Субъективная оценка общего состояния здоровья (<i>max</i>) • Ожидаемая продолжительность жизни (<i>max</i>)	Физический Физический Физический
в безопасности	• Количество убийств (<i>min</i>) • Смертность от дорожно-транспортных происшествий (<i>min</i>) • Смертность из-за других несчастных случаев, в том числе на производстве (<i>min</i>)	Социальный Социальный Социальный
в любви и привязанности	• Количество разводов (<i>min</i>) • Количество аборт (<i>min</i>)	Социальный Социальный
в уважении	• Уровень социальной сплоченности, межличностного доверия (<i>max</i>)	Социальный
познавательные	• Вовлеченность в программы дополнительного образования (<i>max</i>) • Интенсивность познавательной активности (<i>max</i>)	Духовный Духовный
эстетические	• Характер (интенсивность и разнообразие) внепроизводственной деятельности (<i>max</i>)	Духовный
в самоактуализации	• Количество самоубийств (<i>min</i>) • Подверженность различных групп населения пагубным пристрастиям (алкоголизм, потребление табака) (<i>min</i>)	Социальный Духовный

Физический аспект человеческого развития

Физический аспект является в определенном смысле базовой составляющей человеческого развития, поскольку именно состояние здоровья напрямую сказывается на работоспособности людей (как физической, так и интеллектуальной) и их возможности жить полноценной жизнью. В качестве элементов интегрального значения соответствующего индекса мы рассматриваем, в частности:

- продолжительность активной жизни;
- самооценку здоровья;
- «болезни бедных»;
- «болезни богатых».

Первые два показателя призваны отражать субъективную и объективную сторону такого свойства как «физическое благосостояние». Причиной же разделения различных болезней на так называемые «болезни бедных» и «болезни богатых» послужило предположение, подкрепленное информацией из существующих медико-социологических исследований, а также подтвержденное эмпирически в данной работе, согласно которому для разных групп стран и регионов характерны разные типы болезней. Эта дифференциация болезней связана с общим уровнем экономического развития страны и благосостояния населения, соответствующим образом жизни и уровнем развития медицины. Интуитивно понятно, что в бедных странах с менее развитой системой медицинского обслуживания при невысоких доходах населения жители страны будут в большей степени подвержены разнообразным заболеваниям. Однако взаимосвязь между доходами и здоровьем в целом оказывается не так уж однозначна. В частности, в 2007 г. испанский социолог М.Л. Рей заметил следующее: «диабет описан как болезнь богатства: он прак-

тически отсутствует в бедных странах, число случаев заболеваний им высоко в развитом мире и оно драматически увеличивается в развивающихся странах...» [цит. по Колесникова 2008, с. 89–91]. Кроме того, Е. Хресанова в своем докладе, представленном на 8-й конференции Европейской социологической ассоциации, указывает на увеличение числа болезней, препятствующих материнству среди представительниц наиболее высоких и обеспеченных социальных слоев [Колесникова 2008], из чего также следует, что далеко не все болезни имеют прямую связь с бедностью.

Если говорить более конкретно, то к числу «болезней бедных» были отнесены преимущественно инфекционные заболевания, такие как туберкулез, БСК, гонококковые, гепатит, ВИЧ и т.п. Все эти болезни обладают еще одной особенностью – сильной зависимостью между заболеваемостью и смертностью. Это можно объяснить относительно низким развитием медицины в соответствующих странах, неспособной существенно отсрочить наступление смерти в случаях, когда болезнь не поддается излечению.

В группу, условно названную нами «болезни богатых», попали такие болезни как диабет и рак, которые с трудом поддаются излечению и требуют постоянного медицинского контроля. Эти болезни, как правило, носят индивидуальный характер, то есть, в отличие от инфекционных, не передаются от человека к человеку через внешнюю среду, а связаны с неправильным режимом питания, образом жизни. По данным ВОЗ, основными факторами этих и других неинфекционных заболеваний являются нездоровое питание (в частности, избыточное потребление жиров), перерасход энергии, отсутствие физических нагрузок, курение⁶. Кроме того, в число «болезней богатых» мы также намеревались включить различные психические заболевания, однако в связи с существующими расхождениями в оценке причинно-следственных связей, касающихся психических заболеваний, а также в связи с отсутствием необходимых статистических данных по некоторым из включенных в наш анализ стран, было принято решение не включать психические заболевания в список используемых индикаторов.

На основе обобщения информации по всем четырем из представленных выше компонент был построен нормированный по 100-балльной шкале интегральный индекс физического развития (ИФР) и соответствующий ему рейтинг стран Европы и СНГ (см. приложение 1). Нетрудно заметить, что Россия в нем занимает одно из последних мест. По упомянутым выше причинам мы не приводим здесь подробную статистику, однако можем прокомментировать, что стоит за обобщенными цифрами. Россия, как это ни печально, продолжает оставаться страной с одним из самых низких показателей ожидаемой продолжительности активной жизни среди представленных стран, включая своих ближайших соседей – Украину, Казахстан и Белоруссию. Абсолютно идентичная картина наблюдается и по распространению большинства «болезней бедности» – туберкулеза, ряда инфекций и заболеваний органов кровообращения, что, безусловно, является прямым следствием абсолютно недееспособной системы здравоохранения, которая не позволяет существенно сократить убыль населения. Однако ситуация в России, в отличие от некоторых других постсоциалистических стран и наименее благополучных в экономическом отношении стран Европы, имеет еще и ту отрицательную специфику, что для нее характерны в том числе высокие показатели распространенности «болезней богатых» – прежде всего, раковых заболеваний и цирроза печени.

⁶ См., например, доклад ВОЗ «Профилактика неинфекционных болезней на рабочих местах с помощью рациона питания и физической активности» / Всемирный экономический форум, 2008. <http://www.who.int/dietphysicalactivity/workplace-report-Russian.pdf>

Социальный аспект человеческого развития

Социальная сфера чрезвычайно разнообразна, индикаторы, описывающие отдельные ее составляющие, многочисленны, а единое представление об идеальном состоянии общества, к которому «желательно было бы стремиться», отсутствует. Все это значительно усложняет задачу выделения конкретных показателей, которые достаточно полно и точно характеризовали бы социальный аспект человеческого развития отдельного общества.

Проблема отсутствия знаний об оптимальном значении многих социальных показателей, не говоря уже о доступности статистических данных, пригодных для межстранового сравнения, подталкивают к использованию таких моделей количественной оценки, которые позволяли бы хотя бы в каком-нибудь приближении оценить масштабы социальных патологий или так называемых «социальных бед» [Бородкин, Кудрявцев 2003]. Причем очевидно, что целевой функцией соответствующего индикатора (с точки зрения обеспечения гармоничного развития всего общества) должна быть его минимизация.

Теоретической концепцией, описывающей формы и «патогенез» таких «социальных болезней», является теория социальной аномии, авторство которой обычно приписывают Э. Дюркгейму, Р. Мертону и Т. Парсонсу, каждый из которых предложил ее оригинальную трактовку. Общим моментом при описании проявлений феномена аномии является распространение в обществе девиантного поведения, под которым принято понимать «поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям» [Гилинский 2007, с. 23]. В своей монографии «Девиантология» Я.И. Гилинский выделяет и исследует такие виды негативной девиантности как преступность, употребление наркотиков, алкоголизм, самоубийства, отклонения в сфере сексуального поведения. Мы расширили сферу применения этого подхода, включив в анализ в т.ч. некоторые демографические показатели, свидетельствующие о разложении института семьи (аборты, разводы и т.п.)

Эмпирические индикаторы, используемые нами для характеристики социального аспекта человеческого развития, были условно разделены на 5 основных групп: «преступность», «самоубийства», «семья», «травматизм», «социальная сплоченность». Отбор конкретных показателей в каждую из групп имеет свои нюансы, прежде всего, связанные со спецификой статистического учета и, как следствие, не всегда адекватных сопоставлений по разным странам. Однако, как уже было сказано, более подробно эти моменты разобраны в ранее опубликованных материалах [Ястребов, Красилова, Черепанова 2011].

Впрочем, касательно концептуального обоснования имеет смысл коротко прокомментировать расширение «привычного» для социальных девиаций перечня параметров включением показателей «травматизма» и «социальной сплоченности». В первом случае мы исходили из того, что уровень «травматизма» свидетельствует об общем уровне проникновения жизнеспасающих технологий в систему организации жизнедеятельности общества. Так, можно предположить, что более совершенная организация дорожного движения, лучшее качество дорог и отсутствие коррупции в правоохранительных органах ведут к снижению количества дорожно-транспортных происшествий и, как следствие, числа жертв. С другой стороны, уровень смертности и травматизма в результате ДТП также является довольно информативным индикатором, позволяющим оценить степень пренебрежения населением собственной безопасностью. Кроме того, и это одинаково верно для обоих показателей, несчастные случаи нередко происходят по вине пострадавших, т.е. вследствие их собственного безответственного отношения к собственной жизни и здоровью, а также к жизни и здоровью окружающих. Уровень «травматизма», таким образом, отражает не только степень

развития условий для безопасной жизнедеятельности людей (социальная оценка ценности человеческой жизни), но и укорененность жизнеспасающего поведения среди населения (индивидуальная оценка ценности человеческой жизни).

Социальная сплоченность (или противопоставляемая ей разобщенность) также представляется в качестве одной из важнейших социальных компонент жизнеспособности обществ. Под сплоченностью принято понимать некую общую степень интеграции общества, представляющую собой функцию от уровня его ценностной однородности, прочности межличностных взаимоотношений и согласованности поведения принадлежащих к этому обществу людей. Не зря некоторыми социологами социальная сплоченность рассматривается в качестве одного из ключевых элементов интегральной характеристики качества жизни [см., напр., *Veenhoven 2003; Noll 2002*].

После выполнения всех промежуточных расчетов и нормирования показателей аналогично индексу физического развития был составлен рейтинг стран по интегральному индексу физического развития (ИСП) (см. *приложение 1*). Как уже было сказано, учитывая природу индекса, в дальнейшем анализе важно не само по себе абсолютное значение индекса, а расположение стран относительно друг друга на получившейся в результате свертывания шкале.

К сожалению, в очередной раз обращает на себя внимание то, что Россия среди всех представленных стран характеризуется наиболее высоким показателем социального неблагополучия. За этим стоит, во-первых, крайне сомнительное лидерство по числу совершаемых на душу населения убийств и абортам, что не может не наводить на мысль о высоком пренебрежении человеческой жизнью в обществе, принимаемом поистине угрожающие масштабы. Это же подтверждается и весьма красноречивыми данными об уже ставшей притчей во языцех высокой смертности в дорожно-транспортных происшествиях и на производстве (26-е место из 32 стран) – к сожалению, культура соблюдения техники безопасности в нашей стране по-прежнему остается крайне низкой.

Духовный аспект человеческого развития

Рассматривая в качестве одного из аспектов человеческого развития его духовную составляющую, мы столкнулись с еще большими затруднениями, чем в случае с уровнем социального развития. Связано это, в первую очередь, с отсутствием общепринятого концептуального обоснования и методологии количественного измерения.

Вместе с тем духовное здоровье представляется нам неотъемлемой и не менее значимой составляющей человеческого развития, чем его физическая и социальная компоненты. Более того, роль духовной (или ментальной – *mental* (англ.) – если следовать прямому переводу ВОЗовского определения) компоненты в обеспечении устойчивости социального развития значительно возросла в последние несколько десятилетий вслед за вступлением значительной части человечества в информационную эпоху и становлением экономики знаний [напр., *Кастельс 2000; Макаров 2003, с. 450*]. В связи с этим необходимо специально пояснить, что под духовной составляющей общественного благополучия мы предлагаем понимать не только отсутствие психических, эмоциональных или когнитивных расстройств, но и степень удовлетворения потребности людей в самореализации (на производственной и внепроизводственной ниве), личностном росте, качественном образовании и т.п. Из такой трактовки духовного развития следует определенная совокупность конкретных эмпирических индикаторов, которые мы кладем в основу при построении интегрального индекса. При этом, как и в предыдущих случаях, мы исходим

из отправной для нас концепции «здорового» общества как общества, способного противостоять определенным патологиям в своем развитии⁷.

Однако при определении перечня эмпирических индикаторов мы столкнулись с проблемой различения показателей, относящихся, с одной стороны, к духовному, а, с другой, к социальным аспектам человеческого развития. Для решения этой задачи на концептуальном уровне мы предложили отнести к духовному развитию все, что так или иначе связано с проявлением воли на индивидуальном уровне (напр., приверженность вредным привычкам или вовлеченность в различные программы повышения образования); тогда как на социальном – все, что определяет общий социальный климат в обществе (степень социальной интеграции/дезинтеграции общества, распространенность девиантного поведения и т.п.).

Все переменные соответствующего интегрального индекса были условно объединены в три группы:

- «вредные привычки» – как интегральный выразитель жизне- и здоровьесберегающих установок населения (более конкретно: уровень употребления наркотиков, характер употребления алкогольной продукции, доля курящих);
- «образование» – как степень вовлеченности населения в различные программы образования;
- «внепроизводственная деятельность» – как группа индикаторов, характеризующих разнообразие и интенсивность внепроизводственной деятельности людей (другими словами, досуг) и ее полезность с точки зрения саморазвития, инвестиций в человеческий, культурный и социальный капитал.

К сожалению, итоговый рейтинг стран по интегральному индексу духовного развития (ИДР) также складывается отнюдь не в пользу нашей страны (см. *приложение 1*). Отмеченному выше негативному демографическому тренду способствует самоубийственный образ жизни многих наших соотечественников: Россия занимает второе место по доле курильщиков (после Греции), третье место по потреблению алкоголя на душу населения (впереди – Венгрия и Чехия), что лишь подчеркивает полное отсутствие озабоченности соответствующими проблемами как на уровне государства, так и на уровне самих граждан, предпочитающих вести деструктивный образ жизни. При этом данная ситуация едва ли компенсируется формально высокими показателями образованности и грамотности населения: если принять во внимание различия между странами по степени вовлеченности населения в программы непрерывного образования и повышения квалификации, а не по номинальной численности грамотных или лиц с высшим образованием⁸, то Россия в ряду других стран СНГ значительно отстает от более развитых западных стран. Картину дополняет довольно убогий и, как правило, неинтеллектуальный досуг наших сограждан по сравнению с жителями других стран.

Жизнеспособность в контексте экономического развития, политических институтов и демографической динамики

Впрочем, сами по себе представленные выше статичные оценки вряд ли представляют столь существенный интерес, сколько попытка рассмотреть жизнеспособность или характер человеческого развития в каждом из его аспектов в различных ракурсах.

⁷ Вообще же необходимо отметить, что проблематика духовного здоровья рассматривается, как правило, на стыке науки и религии, что становится отправным моментом для разворачивания таких весьма дискуссионных направлений как «теологическая психология» [Гундаров 2001], «экзистенциальная антропология» [Меркурио 2003, с. 2-9] и др., однако в данной работе эти направления специально не рассматриваются.

⁸ Что было бы просто бессмысленно, учитывая качество массового высшего образования в современной России.

Приведенные ниже *график 1* и *график 2* иллюстрируют соотношение жизнеспособности стран при определенном уровне их экономического благосостояния. *График 1* наглядно демонстрирует, что жизнеспособным общество может быть даже при относительно скромных экономических достижениях, в то время как экономический рост сам по себе отнюдь не является гарантией устойчивого развития. В частности, следуя представленному распределению показателей, Россия при сопоставимом со странами СНГ показателе ВВП на душу населения значительно отстает от них по всем показателям человеческого развития. С другой стороны, группа южно-европейских стран представляет собой противоположный пример: при гораздо меньшей экономической обеспеченности физическое и социальное благополучие этих обществ остается на уровне самых богатых и благополучных западных и северно-европейских стран.

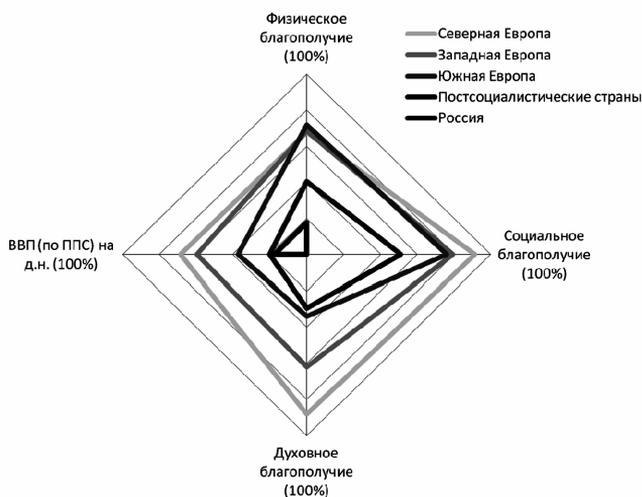

График 1. Средние стандартизированные показатели ВВП на душу населения, а также физического, социального и духовного аспектов человеческого развития по группам стран на 2009–2010 гг.

На *графике 2* приведено распределение стран в аналогичной системе координат без их усреднения по уровню экономического развития. Как видно, между двумя измерениями наблюдается определенная корреляция, однако при более детальном рассмотрении на ней несложно определить те страны, которым удалось добиться более высоких результатов в уровне человеческого развития при более скромных экономических достижениях, и, наоборот, – те страны, которые крайне неэффективно расходуют свое богатство в целях повышения качества жизни. К последним, со всей очевидностью, можно отнести Россию и в чуть меньшей степени – Белоруссию и Казахстан, тогда как к числу первых – такие страны как Польша, Румыния, Болгария, Турция и Греция. Даже в не очень богатой Украине при всей ее политической и экономической нестабильности уровень человеческого развития гораздо ближе к уровню, характерному для ее восточноевропейских соседей, чем к российскому или казахстанскому.

На *графике 3* приведено распределение стран по уровню развития демократических институтов (в показателях Economist Intelligence Unit за 2010 г.) и степени их жизнеспособности (качеству человеческого развития).

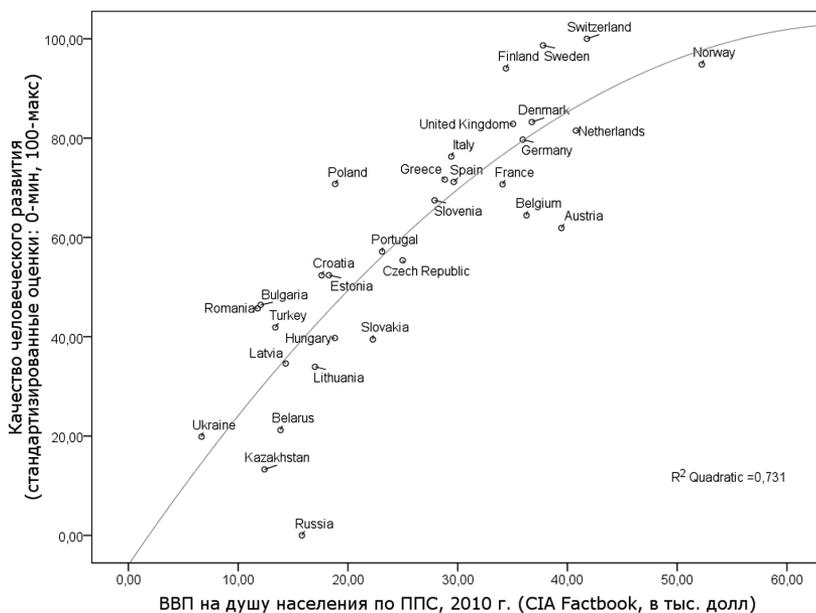

График 2. Распределение стран Европы и СНГ по оценкам качества человеческого развития и уровню ВВП на душу населения на 2009–2010 гг.

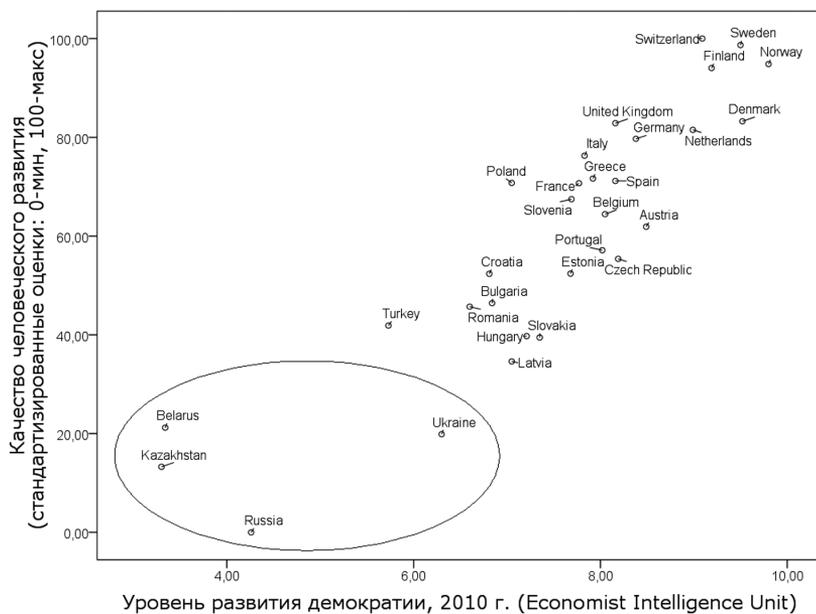

График 3. Распределение стран Европы и СНГ по оценкам качества человеческого развития и уровню развития демократии (EIU) на 2009–2010 гг.

На первый взгляд, взаимосвязь между этими измерениями вполне однозначна: чем лучше развита демократия в отдельно взятой стране, тем более успешно она справляется с повышением физического, социального и духовного благополучия своих граждан. И действительно, как можно заметить, особенно четко эта связь прослеживается для западноевропейских стран, выстраивающихся на графике в аккуратный ряд. Однако если присмотреться, несложно также обнаружить, что Турция – единственный «гибридный» (или смешанный полудемократический) режим в Европе согласно классификации EIU – представляет собой не менее, а в чем-то даже более жизнеспособное общество, чем самые демократические режимы Центрально-Восточной Европы. Более того, для всех четырех из представленных стран СНГ – России, Казахстана, Белоруссии и Украины – зависимость между уровнем развития демократических институтов и качеством человеческого развития представляется уже не столь однозначной.

Справедливости ради стоит отметить, что, несмотря на полученные весьма красноречивые результаты, свидетельствующие о существенной разнице в последствиях трансформации для стран ЦВЕ и стран СНГ, мы не проводили отдельного исследования динамики произошедших изменений. Это связано с недостаточностью данных, т.к. необходимая статистика на начало транзита была и остается весьма фрагментарной и ко всему прочему далеко не всегда обеспечивает возможность прямых сопоставлений. Для восполнения пробела мы взяли результаты расчетов экономиста В.А. Красильщикова, разработавшего методику вычисления сопоставимого Индекса человеческого развития (ООН) по всем странам и за все периоды. На следующем графике мы иллюстрируем динамику наиболее интересной для нас группы стран.

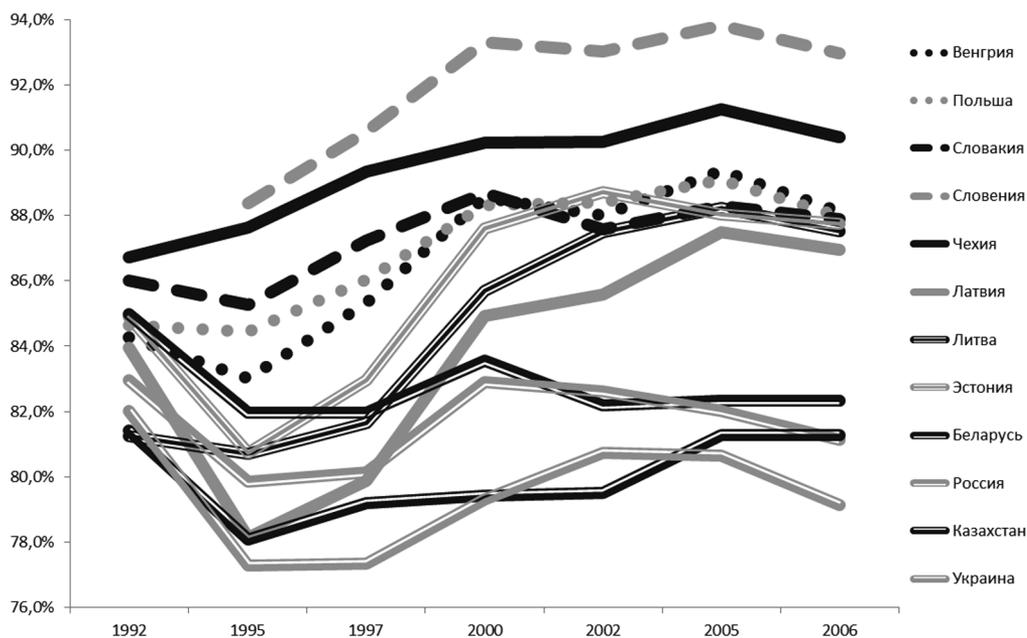

График 4. Динамика человеческого развития в странах Центрально-Восточной Европы и СНГ за 1992–2006 гг. в показателях ИЧР (в % от среднего мирового значения, расчеты по методике В.А. Красильщикова)

Как видно, относительно среднего мирового уровня улучшить ситуацию спустя 15 лет после трансформации удалось в основном только странам Центрально-Восточной Европы (таким как Литва, Латвия, Венгрия, Эстония, Чехия, Словакия и т.д.). Серьезно ухудшили свое положение такие страны как Россия, Армения, Грузия, Украина и Белоруссия. И только Казахстан – типичный представитель евразийского пространства – по крайней мере сумел удержать свою позицию относительно мирового уровня, а не потерять ее. К этому можно добавить лишь то, что после мощного проседания показателя в середине 1990-х, пожалуй, ему лишь одному из стран СНГ удалось сохранить положительную динамику.

Наконец, *график 5* демонстрирует распределение исследуемых стран по качественному и количественному аспектам человеческого развития.

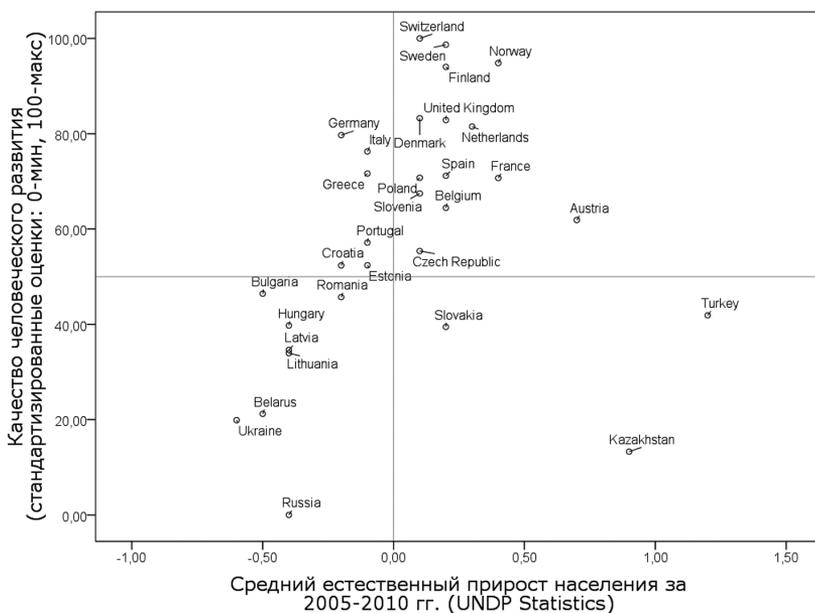

График 5. Распределение стран Европы и СНГ по оценкам качества человеческого развития и режиму демографического воспроизводства

Эта иллюстрация наглядно подтверждает, что закономерность трансформации количества в качество, некогда названная демографами «демографическим переходом», отнюдь не является универсальной. Так, например, наиболее развитые европейские страны, как видно, представляют собой пример наиболее устойчивых в социальном и экономическом плане обществ, где простое (и даже несколько расширенное) демографическое воспроизводство сочетается с высоким качеством жизни.

Вторая, наиболее интересная, на наш взгляд, группа стран представлена обоим расположившимися Казахстаном и Турцией, где невысокие показатели человеческого развития компенсируются довольно высокими темпами естественного прироста населения. Последнее обстоятельство отнюдь не удивительно, если учесть, что речь идет о странах с ярко выраженной религиозно-культурной спецификой. Таким образом, жизнеспособность этих преимущественно мусульманских обществ обеспечивается во многом за счет мощного культурного фактора.

В то же время в значительной части стран Центрально-Восточной Европы при относительно более высоких показателях человеческого развития наблюдается естественное сокращение населения. И, к сожалению, Россия среди представленных стран практически в одиночку составляет группу риска – с отрицательным естественным приростом населения (который, как мы знаем по заявлениям наших демографов, в ближайшей перспективе не исчезнет) и самым низким качеством человеческого развития. Вкупе с ярко выраженной тенденцией на его снижение, можно со всей определенностью сделать вывод о снижающейся жизнеспособности российского общества, его моральной, интеллектуальной, физической и социальной деградации.

Вместо заключения (перспективы дальнейшего анализа)

Суммируя выше сказанное, даже довольно беглый анализ позволяет предварительно констатировать удручающий факт: несмотря на общую для постсоциалистических стран (и, прежде всего, стран СНГ) неблагоприятную ситуацию с человеческим развитием, Россия, как мы и предполагали, представляет собой наиболее тревожный случай. Однако ключевой для нас вопрос заключается в том, способно ли в принципе современное российское общество развиваться более успешно в его текущей конфигурации? Но непростой вопрос предполагает и непростой ответ, поэтому, учитывая предварительный характер проведенной диагностики на постсоветском пространстве, в заключительной части мы хотели бы предложить возможную теоретическую рамку для последующих рассуждений.

Сегодня даже среди сторонников разнообразия путей развития народов, принадлежащих к разным цивилизациям, немало тех, кто признает безусловное превосходство нынешней европейской (атлантической) цивилизации в части технологических, экономических и культурных показателей [см., напр.: *Harrison, Huntington 2000; Khanna 2009; Васильев 2008; Арутюнов, Рыжакова 2004* и др.]. В связи с этим им обычно не удается ответить на один принципиальный вопрос: а возможно ли достижение другими цивилизациями не только материальных, но и креативных и гуманитарных результатов, полученных европейской цивилизацией? Действительно, получается, что расхождение и значимые различия между цивилизациями признаются, но перспективы их развития становятся неопределенными.

Многие трудности с пониманием расхождения и сходства развития цивилизаций, на наш взгляд, связаны с неразвитостью самой теории цивилизаций и выделением существенных признаков, их определяющих. Одним из направлений работы, разрабатываемых в настоящий момент авторским коллективом, является обоснование системы признаков, разделяющих цивилизации и в то же время выделяющих их из числа других типологий человеческих общностей.

На сегодняшний день нами сформулировано и обосновано рабочее определение понятия «цивилизация», которое является результатом теоретических обобщений из трудов наших предшественников: Н.Я. Данилевский, Ф. Бродель, А. Дж. Тойнби, О. Шпенглер, С. Хантингтон, К. Поланьи, Ю.И. Семенов, Б.С. Ерасов, Л.С. Васильев, Р.М. Нуреев и многие другие. Согласно этим обобщениям, существенное идентификационное ядро цивилизаций образует культура, а точнее, ее нематериальная часть, или «идейно-институциональная основа» (в терминологии Л.С. Васильева), которая является отражением уникального исторического опыта приспособления народа (или системы народов) к специфическим условиям существования, в том числе во взаимодействии с другими народами.

В свою очередь, процесс этого приспособления, который иначе можно было бы назвать процессом освоения экологических ниш [*Бромлей 1973; Гумилев 1994*],

представляет собой последовательное чередование способов организации жизнедеятельности, которое неизбежно происходит вследствие непостоянства как внутренних (напр., рост численности населения, исчерпание ресурсов и т.п.), так и внешних факторов (напр., напряженность экономической или военной конкуренции и т.п.). Отсюда можно предположить, что неодинаковость и непостоянство этих факторов порождают различия и в историческом опыте цивилизаций и, как следствие, делают этот опыт неуниверсальным в одних и тех же институциональных контекстах. В действительности же, как известно, эта неуниверсальность проявляется не только в эстетических свойствах той или иной культуры [напр., *Toynbee* 1987] или особом экономическом укладе [напр., *Поланьи* 2002; *Нуреев* 1989], но и в таких глубинных качествах самого народа как ментальность и система базовых и инструментальных ценностей, часто коррелирующих с доминирующими системами религиозных взглядов [*Huntington* 1996].

Система ценностей и ментальность представляют собой как бы «сознательный» и «бессознательный» элементы нематериальной культуры цивилизации, формирующие ее уникальную идейно-институциональную основу, или, другими словами, «идентификационное ядро». Так, если системы ценностей, как показывают последние исследования, хоть медленно, но все же меняются [*Schwartz* 2008; *Inglehart, Oyserman* 2004], то ментальность (по крайней мере, гипотетически) представляет собой некий инвариант, «записанный в материальных основах психики, определенный поведенческий код, детерминирующий устойчивое социально-психологическое состояние... запечатлевшее в себе (не «в памяти народа», а в его подсознании) результаты длительного и устойчивого воздействия этнических, естественно-географических и социально-экономических условий проживания» [*Бутенко, Колесниченко* 1996]. Это концептуальное расчленение на «сознательное» и «бессознательное» для нас принципиально, поскольку ценности, будучи исторически более подвижными, зачастую являются прагматической реакцией на смену жизненных циклов цивилизации и потому не могут (как это ошибочно полагают некоторые ученые [напр. *Schwartz* 2008; *Eisenstadt* (1) 1999; *Eisenstadt* (2) 1999] служить адекватным основанием для их (цивилизаций) идентификации.

Общество (или государство) как элементарная единица макроисторического анализа в нашем понимании представляет собой определенную конфигурацию институционального оформления системы (в марксистской терминологии – надстройка) и ее идейно-институциональной основы (базис), которые сочетаются в определенный момент времени (*схема 2*). Под институциональным оформлением мы понимаем, в частности, определенные способы социальной, политической и экономической организации общества, которые в свою очередь на самом элементарном уровне характеризуются соотношением известных институциональных противоположностей («частная собственность» vs «власть-собственность»; «договорное управление» vs «приказное управление»; «рынок» vs «редистрибуция» и т.п.).

Именно такое концептуальное разделение структуры социального объекта на некий неслучайный инвариант (идейно-институциональная основа) и действующий способ организации жизнедеятельности делает возможным определение оптимального и неоптимального состояния системы. Неоптимальность достигается в том случае, когда установившееся в результате определенного стечения обстоятельств институциональное оформление общества (напр., революция, приводящая к резкой смене одного общественного строя на другой) приводит к снижению жизнеспособности системы и увеличивает риск ее разложения вплоть до деформации идейно-институциональной основы. У некоторых авторов такое состояние именуется «аксиологической рассогласованностью» или «цивилизационным надломом» [напр., *Toynbee* 1987; *Аксюмов* 2008].

Таким образом, мы исходим из того, что оптимальное состояние социальной системы I) достигается в случае максимального «совпадения» существующего ин-

ституционального оформления общества с некими оптимальными контурами, которые определяются содержанием конкретной идейно-институциональной основы, и 2) это состояние повышает, а не снижает ее (системы) жизнеспособность. Отсюда становится возможным ввести понятие «социокультурный потенциал», которое представляет собой принципиальную возможность более рационального использования качеств идейно-институциональной основы цивилизации в целях достижения оптимальных параметров конкретной социальной системы. В то же время уровень человеческого развития рассматривается нами как текущий интегральный индикатор жизнеспособности общества, обусловленный соответствием (или несоответствием) «цивилизационного базиса» и «надстройки». Иными словами, социокультурный потенциал характеризует принципиальную возможность достижения определенного состояния человеческого развития, тогда как последнее рассматривается нами всего лишь как движение от существующего состояния человеческого развития к потенциальному.

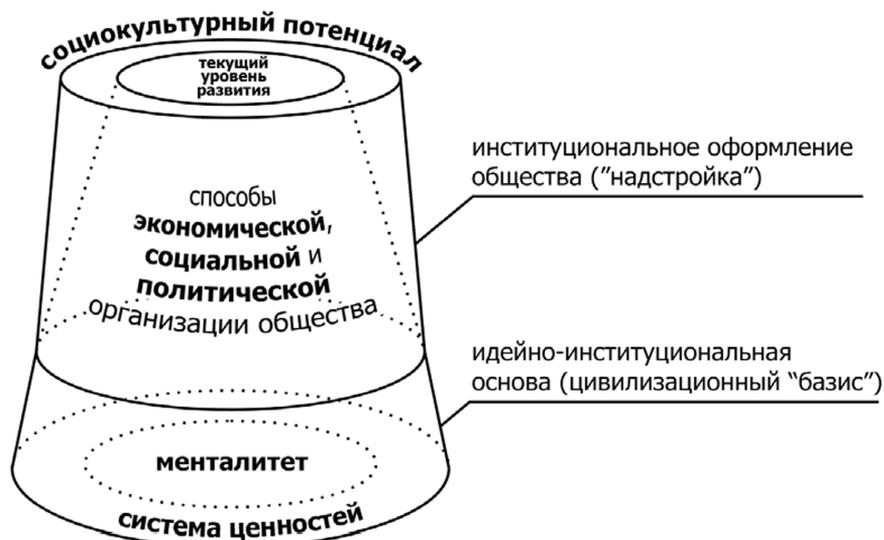

Схема 2. Реализация социокультурного потенциала общества как результат взаимодействия его идейно-институциональной основы со способом институционального оформления

Возвращаясь к фактическим оценкам жизнеспособности современного российского общества, можно заметить следующее. Если радикальная трансформация социально-экономических структур в обществе приводит к резкой смене одного способа организации жизни на другой, наступает период адаптации, когда новые структуры как бы вживляются в привычный образ действия и мышления людей. Однако не во всех случаях это вживание происходит органичным способом, т.е. когда этот привычный и, в общем-то, первичный по отношению к институциональным формам образ действий способен «втиснуться» в новые для него рамки. Именно это, как мы знаем, произошло в России на рубеже 1990-х и стало причиной возникновения эффектов, известных сегодня как институциональные ловушки, которые, в сущности, и есть эти самые воспроизводящиеся неоптимальные практики.

Как было показано, сегодня неоптимальность сложившихся условий для России проявляется в целом букете крайне болезненных для населения последствий. Согласно полученным нами результатам, оно сокращается (и, весьма вероятно, продолжит в ближайшей перспективе сокращаться) количественно и неуклонно на протяжении 2000-х гг. деградирует в качественном отношении. В схожей ситуации с Россией находится разве что ближайшая к нам Украина, которая, впрочем, по некоторым показателям выглядит даже несколько лучше. В то же время ситуация в таких одинаково «недемократичных» странах как Беларусь и Казахстан (и, кстати, Турция) по многим параметрам дает населению значительно больше поводов для оптимизма. Другими словами, несмотря на некоторую архаичность социальной, политической и экономической организации этих обществ, хотим мы того или нет, обе эти страны в большей степени, чем Россия, способны обеспечить своему населению приемлемые для него условия существования, самореализации и воспроизводства (как социального, так и демографического).

Представленные результаты и некоторые предварительные рассуждения, как нам кажется, дают некоторую пищу для дальнейших размышлений. Однако в заключение хотелось бы отметить, что для постановки более точного «диагноза» по-прежнему требуется решить целый ряд исследовательских задач. В частности, хотелось бы понять как именно и при каких обстоятельствах различные по своему типу и цивилизационной принадлежности общества, реализуют свой социокультурный потенциал? А, главное, как его измерять? Именно эти вопросы являются для нас центральными в ближайшей перспективе, поскольку обладая на этот счет достоверной информацией и знанием, мы, вероятно, могли бы не только оценивать эффективность возможных институциональных преобразований и реформ, но и прогнозировать их последствия.

Литература

- Аксюмов Б.В.* (2008) Конфликт цивилизаций в контексте современных глобализационных процессов. Ставрополь: Изд-во СГУ.
- Арутюнов С.А., Рыжакова С.И.* (2004) Культурная антропология. М.: Весь мир.
- Бородкин Ф.М., Кудрявцев А.С.* (2003) Человеческое развитие и человеческие беды // Мир России. № 1.
- Бромлей Ю.В.* (1973) Этнос и этнография. М.
- Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В.* (1996) Менталитет Россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл. // Социологические исследования. № 5.
- Бушуев В.В., Голубев В.С.* (2002) Основы эргодинамики. М.: ИАЦ Энергия.
- Бушуев В.В., Голубев В.С., Зволинский В.П., Тарко А.М.* (2008) Индексы социогуманитарного развития: Россия и мир // Общественные науки и современность. № 2.
- Бушуев В.В., Голубев В.С., Тарко А.М.* (2004) Индикаторы социоприродного развития российских регионов. М.: ИАЦ Энергия.
- Васильев Л.С.* (2008) Факторы эволюции // Историческая психология и социология истории. № 1.
- Вишневский А.Г.* (ред.) (2006) Демографическая модернизация России: 1900–2000. М.: Новое издательство.
- Гилинский Я.И.* (2007) Девиантология. М.: Юридический центр Пресс.
- Гумилев Л.Н.* (1994) Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК.
- Гундаров И.А.* (2001) Закон духовной детерминации здоровья / *Шаталов А.Т.* (отв. ред.) Философия здоровья. М.: ИФ РАН.
- Заславская Т.И.* (2004) Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело.
- Заславская Т.И.* (2005) Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. № 3.
- Кастельс М.* (2000) Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; науч. ред. О.И. Шкаратан. М.: ИД Высшей школы экономики.

- Колесникова И.С. (2008) Новаии в социологии медицины и здоровья. Заметки участника VIII конференции ЕСА // Социологические исследования. № 4.
- Красильщиков В.А. (2010) Человеческое развитие и изменения в мировой системе. М.: ИЛА РАН.
- Макаров В.Л. (2003) Экономика знаний: уроки для России // Вестник РАН. № 5.
- Маслоу А. (1999) Теория человеческой мотивации. Мотивация и личность. СПб.: Евразия.
- Меркурио А. (2003) Экзистенциальная антропология и персоналистическая метапсихология // Психотерапия. № 12.
- Нуреев Р.М. (1989) Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: «Дониш».
- Поланьи К. (2002) Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. (2001) Русская система как попытка понимания русской истории // ПОЛИС. № 4.
- Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 гг. Доклад к XII межд. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 5–7 апр. 2011 г. М.: ИД Высшей школы экономики.
- Шкаратан О.И. (2010) Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. № 3.
- Ястребов Г.А., Красилова А.Н., Черепанова Е.С. (2011) Векторы человеческого развития в постсоциалистических странах Европы и СНГ: опыт количественной оценки. WP17/2011/01 и WP17/2011/02. М.: ИД Высшей школы экономики. [<http://www.hse.ru/org/hse/wp/wp17>]
- Eisenstadt S.N. (1) (1999) Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution. The Jacobin Dimension of Modernity. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eisenstadt S.N. (2) (1999) Paradoxes of Democracy, Fragility, Continuity, and Change. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Harrison L.E., Huntington S.P. (Eds.) (2000) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books.
- Hopkins M. (1991) Human Development Revisited: A New UNDP Report // World Development. № 19 (10).
- Huntington S.P. (1996) The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster.
- Inglehart R., Oyserman D. (2004) Individualism, Self-expression and Human Development. In Henk Vinken and Peter Ester (eds.), Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective. Leiden, The Netherlands: Brill.
- Khanna P. (2009) The Second World: How Emerging Powers are Redefining Global Competition in the 21st Century. New York: Random House.
- Noll H.H. (2002) Social indicators and quality of life research: background, achievements and current trends / *Genov N.* (Ed.) Advances in Sociological knowledge over half a century. Paris: ISSC.
- Sen A. (1990) Development as Capability Expansion // *Griffin K., Knight J.* (Eds.) Human Development and the International Development Strategy for the 1990s. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Sen A. (1983) Development: Which Way Now? // Economic Journal. № 93 (372).
- Schwartz S.H. (2008) Cultural value orientations: Nature and implications of national differences. Moscow: State University - Higher School of Economics Press.
- Streeten P. (1995) Foreword to: *Mahub ul Haq*. Reflections on Human Development. Oxford University Press.
- Toynbee A.J. (1987) A Study of History (abridged by D.C. Somervell). New York: Oxford University Press.
- Veenhoven R. (1996) Happy Life-Expectancy: A comprehensive measure of quality-of-life in nations // Social Indicators Research. Vol.39.
- Veenhoven R. (2003) Measuring Human Well-Being. New Hampshire: Houndmills.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Интегральные индексы физического, социального и духовного развития; сводный индекс человеческого развития; коэффициенты корреляции между индексами и средние значения по группам стран

СТРАНЫ	ФИЗИЧЕСКИЙ	СОЦИАЛЬНЫЙ	ДУХОВНЫЙ	СВОДНЫЙ
Sweden	24,47	12,01	0,00	0,00
Switzerland	10,42	16,49	11,47	0,77
Norway	27,95	5,67	12,26	3,83
Finland	29,53	14,38	6,10	5,51
Netherlands	36,97	0,00	34,89	14,40
Germany	27,76	24,70	25,66	16,95
Greece	0,00	9,15	69,83	17,30
Denmark	47,39	2,53	29,38	17,43
United Kingdom	42,56	9,10	44,91	24,46
Poland	36,08	22,17	41,28	25,66
France	26,51	23,74	52,17	26,84
Italy	28,99	17,48	61,88	29,25
Austria	36,22	36,57	42,84	32,22
Spain	25,07	17,78	75,51	33,33
Slovenia	31,32	41,47	48,57	34,55
Belgium	41,34	32,78	53,67	37,16
Portugal	42,93	37,21	49,90	38,08
Turkey	37,23	35,45	70,60	43,47
Czech Republic	60,15	33,35	55,00	45,59
Croatia	43,85	37,81	73,41	48,27
Bulgaria	52,48	36,04	66,99	48,45
Romania	51,85	40,29	67,60	50,17
Estonia	64,02	42,52	62,72	54,05
Slovakia	53,34	30,85	91,06	56,48
Hungary	55,49	42,33	79,75	57,43
Lithuania	59,60	75,77	55,81	62,96
Latvia	67,76	52,26	74,23	64,22
Belarus	71,16	60,22	88,31	74,57
Ukraine	86,97	57,74	88,38	80,02
Kazakhstan	100,00	72,24	84,30	89,57
Russian Federation	82,17	100,00	100,00	100,00

Средние величины по группам стран				
СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА (СКАНДИНАВИЯ)	32,3	8,6	11,9	6,7
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА	31,7	20,5	37,9	21,8
ЮЖНАЯ ЕВРОПА	28,2	23,9	66,1	33,2
ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ	59,4	48,8	70,7	58,0
<i>По всем странам</i>	<i>45,2</i>	<i>33,6</i>	<i>84,3</i>	<i>89,6</i>
<i>Коэффициенты корреляции</i>	ФИЗИЧЕСКИЙ	СОЦИАЛЬНЫЙ	ДУХОВНЫЙ	СВОДНЫЙ
ФИЗИЧЕСКИЙ	1	0,776	0,621	0,887
СОЦИАЛЬНЫЙ		1	0,665	0,908
ДУХОВНЫЙ			1	0,872
СВОДНЫЙ				1